

КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ В ТЕКСТЕ СУДЕБНОГО ПРИГОВОРА

И. А. Братухина

KINDS OF INFORMATION IN COURT SENTENCES

I. A. Bratukhina

В статье на материале судебного приговора анализируется текстовая категория информативности, которая с позиции коммуникативно-прагматического подхода понимается как единство трех компонентов: когнитивного, модального и текстуального. Рассматривается специфика каждого из них в тексте судебного приговора.

The article is devoted to the analysis of different kinds of information in court sentences. The author describes the semantic structure of the text which comprises three components: cognitive, modal and textual.

Ключевые слова: текст, категория информативности, когнитивный, модальный и текстуальный компоненты.

Keywords: text, information, cognitive, modal and textual components.

Начиная со второй половины XX века, текст становится основным объектом исследования лингвистов. Сложность и многомерность данного феномена предопределили формирование нескольких подходов к его анализу: грамматического, семантического, прагматического и коммуникативно ориентированного, а в последнее время – когнитивно-дискурсивного. Очевидно, что для каждого из подходов характерны свои собственные цели и задачи.

Первоначально в рамках структурно-семантического подхода особое внимание лингвистов было направлено на выявление формально-грамматических критериев организации текста и формальных способов выделения, соединения и функционирования его фрагментов на гиперсинтаксическом уровне. Становление коммуникативно-прагматической парадигмы в языкознании привело к тому, что текст стал пониматься как деятельность, как единица, несущая когнитивную, информационно-семиотическую, психологическую и социальную нагрузку.

В современных исследованиях текст рассматривается как важный элемент коммуникативной системы, существующий в системе дискурса, внимание лингвистов переключается от внутриязыковой структуры к процессам ментального отражения действительности и переработки знаний.

Целью данной работы является попытка переосмысления категории информативности текста с позиции коммуникативно-прагматического подхода.

Информативность – это важнейшая текстовая категория, которая выделяется абсолютно всеми исследователями, несмотря на то, что в целом перечень текстовых категорий в работах разных лингвистов может не совпадать.

При структурно-семантическом подходе к исследованию текста признак информативности рассматривался в статическом («общезыковом») аспекте. Так исследовался характер передаваемой информации, выделялись ее разновидности, анализировалась степень информационной насыщенности сообщения (см. работу Гальперина).

И. Р. Гальперин, ориентируясь прежде всего на художественный текст, выделил три вида смысловой информации: содержательно-фактуальную (СФИ), в которой эксплицитно представлены в четкой хроно-

логической и логической последовательности все события и факты, изложенные в тексте; содержательно-концептуальную (СКИ), которая раскрывает замысел автора (концепт текста), она выражается опосредованно, имплицитно; содержательно-подтекстовую (СПИ), которая складывается из отдельно дистантно расположенных импликаций, относящихся к тексту в целом, она связана с имплицитным способом организации информации в тексте.

Судебный приговор – жанр официально-делового стиля, конструктивным принципом которого считается предписующе долженствующий характер, точность, не допускающая интолкувания, и однозначность, поэтому в данном тексте единственно возможной является содержательно-фактуальная информация, подтекст и концептуальная информация в документе неуместны.

В рамках коммуникативно-прагматического подхода к тексту эта языковая единица стала пониматься как особая информационная система, функционирующая в процессе коммуникации, и признак информативности стал трактоваться не просто как способность текста к передаче какой-либо информации, а как признак, определяемый позициями участников коммуникации.

Так, Т. М. Дридзе замечает, что «оценкой информативности текста служит мера адекватности интерпретации реципиентом замысла, цели, основной идеи сообщения, коммуникативного намерения его автора» [4, с. 85]. Информативность предполагает не просто какое-то количество информации в тексте, а лишь ту смысловую информацию, которая будет адекватно воспринята реципиентом и при этом будет отвечать замыслу автора. В соответствии с этим выделяют первичную и вторичную информативность текста. Наличие первичной информативности в тексте признается в том случае, если адресат речи сумел распознать коммуникативное намерение автора. Если же реципиент не смог адекватно интерпретировать авторский замысел, но при этом получил для себя новую информацию, которую Т. М. Дридзе называет «побочной», то тогда говорят о вторичной информативности текста. Очевидно, что условием эффективной коммуникации является способность адресата вычленив из

текста именно то содержание, которое формирует первичную информативность речевого произведения.

Судебный приговор относится к тому виду текстов, которые бесспорно обладают первичной информативностью, поскольку авторская интенция в нем репрезентирована максимально эксплицитно. Третья часть судебного приговора, называемая резолютивной, четко формулирует авторский замысел – предписать адресату речи модус поведения, причем данное предписание носит жесткий характер – оно должно быть выполнено независимо от воли субъекта. Это предписание всегда передается следующей речевой формулой: «На основании изложенного и руководствуясь статьёй (или статьями ...), судебная коллегия приговорила...».

Т. В. Матвеева, рассматривая функциональные стили современного русского языка через призму текстовых категорий, использует понятие «информационная программа», которая трактуется как отражение в тексте одной из трех составляющих акта коммуникации – говорящего, слушающего и предмета речи [5, с. 15]. В зависимости от характера информации и аспекта коммуникации выделяется рациональная, прагматическая и оценочная информации.

Рациональная программа содержит информацию о предмете речи, т. е. отражает связь «текст – денотат текста»; оценочная программа эксплицирует точку зрения говорящего, т. е. отражает связь «текст – субъект текста»; прагматическая программа репрезентирует авторский расчет на восприятие текста адресатом.

Данные информационные программы характерны для всех текстов, но степень важности и представленности каждой из них зависит от функционально-стилевой и жанровой принадлежности текста. Так, например, в текстах научного стиля ведущую роль играет рациональная программа (за исключением некоторых жанров, где на первый план может выдвигаться оценочная программа); в официально-деловом стиле в большинстве случаев рациональная и прагматическая программы одинаково важны, при том, что оценочная иногда может быть свернута практически до нуля, для публицистического стиля характерно равное положение всех трех видов информации при ведущей роли оценочной. В анализируемом тексте судебного приговора представлены все три вида информации.

Очевидно, что ведущей является прагматическая программа, цель которой – предписать способ поведения подсудимому. Однако это предписание возможно только после оценки совершенных деяний. Данная оценка носит особый характер, ее можно определить как рациональную, интеллектуальную, аргументированную, основанную на правовых нормах. Все действия подсудимого оцениваются не с позиции хорошо/ плохо, не с позиции моральных или этических норм, а с точки зрения соответствия поступков Уголовному кодексу Российской Федерации. При этом оценке подвергаются не только поступки подсудимого, но и поведение всех участников судебного процесса: свидетелей, потерпевших, представителей стороны обвинения. Например: «Суд **критически** относится к показаниям свидетеля С, данным им в судебном заседании, **поскольку** суд считает, что С.

дал неправдивые показания с целью защитить позицию подсудимых, **потому что** является их знакомым»; «Суд **критически** относится к непризнанию вины подсудимыми, **поскольку** их пояснения опровергаются протоколом осмотра места происшествия и заключением эксперта»; «Суд **согласен** с квалификацией действий подсудимых, предложенной органами предварительного следствия»; «Показания подсудимых в части непризнания вины и оказания на них давления **опровергаются** протоколами задержания, согласно которым подсудимые были задержаны в присутствии адвокатов, с задержанием были согласны». Из представленных примеров видно, что оценка суда выражается всегда прямо, недвусмысленно, с приведением аргументов.

Чтобы оценить совершенные деяния, необходимо подробно описать все обстоятельства дела, поэтому рациональная программа в тексте судебного приговора представлена полно и развернуто. Фрагмент действительности, в рамках которого произошло преступление, воссоздается во всех подробностях, в четкой хронологической последовательности, что способствует проявлению такой стилевой черты официально-делового стиля, как объективность.

М. А. К. Халлидей, рассматривая текст как «семантический концепт», определяет три основные характеристики ситуации, в которой он функционирует:

- 1) социальная деятельность, в которую включен текст;
- 2) ролевые отношения между участниками коммуникации;
- 3) лингвистический способ представления информации.

В соответствии с ними он выделил идеационный, интерперсональный и текстуальный компоненты содержания текста [1, с. 86]. Опираясь на данную схему, учитывая достижения коммуникативного синтаксиса и внося некоторые терминологические уточнения, А. Г. Баранов включает в информационное пространство текста такие компоненты, как **когнитивный, модальный и текстуальный**.

Когнитивный компонент «отражает фрагмент действительного или / и возможного мира в его преломлении в сознании субъектов текстовой деятельности, соотносенный с конкретной социокультурной средой и замыслом автора» [1, с. 87]. Это информация о предметах, объектах действительности и их связях.

Когнитивный компонент текста судебного приговора репрезентируется как подробное, детальное, всестороннее (т. е. с учетом показаний всех свидетелей) описание фрагмента действительности, в рамках которого произошло преступление. В общем-то, это то, что в генологической традиции исследования текстов называют особенностями диктумного содержания.

В содержательном плане выделяют, как правило, два вида модальности – объективную и субъективную. Объективная модальность – это отношение содержания высказывания к действительности. Значение ее определяется противопоставлением «реальность/ ирреальность». Последняя может иметь ряд частных значений – возможности, необходимости, желательности и т. д. Субъективная модальность выражает отношение говорящего к содержанию высказывания. Основ-

ное ее значение формулируется как субъективная уверенность в достоверности информации. Функционально-прагматическое направление рассматривает категорию модальности через призму отношений субъектов текстовой деятельности – автора и реципиента. Данный подход опирается на изучение модальности в логике и психологии. По мнению многих ученых, именно логический взгляд на проблему модальности оказывает огромное влияние на современную лингвистику. В рамках функционально-прагматической парадигмы формируется текстоцентрическая концепция модальности, в которой содержание и объем данной категории определяются разнообразными отношениями между компонентами и участниками текстовой деятельности: автором, реципиентом, текстом и действительностью. Отношение автор – адресат предопределяет характер **межличностной (интерсубъективной)** модальности; отношение автор – текст формирует специфику **субъективной** или **субъективно-оценочной** модальности и, наконец, отношение текст – действительность репрезентирует характер **референтивной** модальности.

Исходя из основных положений функционально-прагматической концепции текста, попытаемся определить специфику категории модальности судебного приговора.

Отношения межличностной субъективной модальности являются «проявлением гносеологически-психологических установок автора текста, направленных на описание мира, изменение мира и его оценку с целью повлиять на интеллект, волю и эмоции реципиента» [Баранов, 1993, с. 101]. Соответственно выделяют деонтический, эпистемический и аксиологический типы межличностной модальности.

Интерсубъективная модальность судебного приговора – деонтическая (т. е. предписывающая), но при этом содержащая элементы эпистемической (описывающей) и аксиологической (оценивающей). Очевидно, что доминирующей будет являться именно деонтическая модальность, поскольку главная цель анализируемого текста – вынести приговор, но при этом действия подсудимого оцениваются судом (квалифицируются в соответствии с законом), поэтому аксиологическая модальность также проявляется в данном речевом произведении.

Субъективная или субъективно-оценочная модальность обусловлена отношением автора к содержанию текста. Для автора судебного приговора характерна модальность полной уверенности в справедливости выносимого приговора и полное отсутствие какого-либо эмотивного компонента. Анализируемый жанр не допускает никаких авторских субъективных оценок.

Третий тип модальности (референтивная) задается отношениями когнитивного компонента текста к действительности и характером интерсубъективной модальности. В данном случае основная дихотомия в содержании модальностей – реальность// ирреальность. Содержание анализируемого текста приговора всегда отражает только реальные факты и события действительности, причем эта реальность, как уже было отмечено, всегда доказывается, фиксируется в тексте как бы с разных углов зрения. В данном случае

референтивную модальность можно определить как четкое соответствие действительности содержанию текста.

Текстуальный компонент «репрезентирует текстоформительный потенциал, при помощи которого автор придает тексту структуру» [1, с. 87]. Можно сказать, что этот компонент предопределяет собственно лингвистическое своеобразие текста.

Судебный приговор – один из жанров официально-делового стиля. Строго определенная тематика, целевая установка на констатацию и предписание, ситуация официального общения определяют преимущественное использование языковых средств делового стиля. Но, кроме того, язык этого документа испытывает значительное влияние разговорной речи.

Это обусловлено, на наш взгляд, противоречием между письменной формой реализации приговора и устным источником той информации, на основе которой приговор создается, а также содержательными особенностями этого жанра. Процедура составления приговора не проста и имеет свою специфику. Это итоговый документ, завершающий судебное разбирательство, он продуцируется на основе обвинительного заключения, включает в себя данные различных экспертиз, показания свидетелей, потерпевших и т. д. Отсюда и причудливое переплетение стилистических средств разных функциональных стилей – официально-делового, разговорного, а в некоторых случаях и научного.

Как показывает анализ материала, при описании бытовых подробностей произошедшего чаще всего используются элементы разговорной речи, поскольку довольно трудно передать низменные поступки, выходящие за рамки понимания нормальных людей, мелкие бытовые подробности, используя при этом только средства литературного языка. И судьи, как правило, не утруждают себя поисками литературного варианта, а активно используют разговорные, а иногда и просторечные элементы.

Вводная и резолютивная части приговора наиболее полно отвечают требованиям, предъявляемым официальному документу. Они имеют четко оформленную структуру и довольно устойчивы в плане языкового воплощения и содержания: в первой части дается информация о составе суда и необходимые сведения о подсудимых, в последней – формулируется решение суда. В обоих случаях существует уже отлаженная схема передачи этой информации. Судья со стажем очень хорошо владеет данной схемой и трудностей при оформлении вводной и резолютивной части не испытывает. Именно здесь активно используются устойчивые клишированные конструкции и общепринятые в деловом стиле сокращения: ст. – вместо статья, ч. – часть, п. – пункт, УПК – уголовно-процессуальный кодекс и т. д.

Можно сказать, что первая и последняя части приговора создаются по типу документа-трафарета: в них можно выделить информацию постоянного характера и переменные данные. «Трафарет – традиционная, линейная запись, но с пробелами, которые заполняются переменной информацией» [6, с. 7].

Наиболее сложна описательная часть приговора, что обусловлено как объемом, так и характером пере-

даваемой информации. Именно здесь наблюдается использование элементов разговорной речи, а в некоторых случаях – научного стиля.

Обычно элементы научного стиля эксплицируются в тексте приговора через выдержки из данных судебно-медицинских экспертиз. Например: «Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы потерпевшей была причинена закрытая черепно-мозговая травма в виде ушиба головного мозга тяжелой степени, церебральная форма первой степени, субарахноидальное кровоизлияние, ушибленные раны левой теменной височной и затылочной областей, гематома в области левого глаза».

Элементы разговорной речи, как уже было отмечено, чаще всего используются при описании обстоятельств произошедшего. Кроме того, это происходит, когда события описываются со слов свидетелей. Специфика содержания судебного приговора такова, что совершенное преступление или преступления освещаются с позиции всех его участников: потерпевших, самих подсудимых, свидетелей и, плюс к этому, все эти свидетельства подтверждаются (либо не подтверждаются) данными различных экспертиз, результатами осмотра места происшествия и т. д. Именно в тех случаях, когда о преступлении рассказывают свидетели, потерпевшие или подсудимые, в текст приговора проникают элементы разговорной речи и просторечия: «Допрошенный в судебном заседании подсудимый Ч. вину в совершении преступления признал частично и показал, что... (далее с его слов подробно описываются все обстоятельства совершенного им деяния; приведем в качестве примера лишь те предложения, которые представляют для нас интерес в связи с вышесказанным). «Чтобы потерпевшая перестала кричать, он придавил её подушкой, порвав ночнушку, и, возможно, ударил при этом локтем». Использование номинации *ночнушка* вместо *ночная рубашка* характерно именно для устной разговорной речи, а не для письменного кодифицированного языка. «Поскольку Ф. был слабее, он боялся Иванова и старался ему не перечить» (глагол *перечить* имеет разговорную окраску).

Иногда, вероятно, сознавая неуместность употребления разговорной и просторечной лексики в офи-

циальном документе, авторы приговоров берут в качестве подобных лексем: «По словам свидетеля, подсудимый ворвался в дом, держа в руках нож и угрожая тем, что всех будет "мочить"». «Допрошенный С. суду пояснил, что он видел, как подсудимый бил потерпевшего по голове каким-то предметом, а затем сообщил всем, что он, т. е. С., "вырубил" потерпевшего». Можно предположить, что появление подобной лексики вызвано стремлением судей подчеркнуть циничность совершенных преступлений и желанием негативно охарактеризовать подсудимых.

Интересен тот факт, что при изложении результатов экспертизы, при ссылке на протоколы выемки или осмотра места происшествия элементы разговорной речи значительно меньше, и довольно часто одни и те же предметы в тексте приговора обозначаются разными по своей стилистической окраске лексемами, в зависимости от источника информации: если это подсудимый или свидетель, то чаще употребляется вариант, характерный для устной разговорной речи, если же это данные из протокола выемки или осмотра места происшествия, то, как правило, появляется литературный вариант. Например, в показаниях подсудимого используется метонимическая номинация *золото*, характерная для устной речи, а при упоминании протокола выемки в тексте приговора появляется другой вариант – *золотые изделия*. «По словам подсудимого, придя домой, он спрятал золото в печи, а куртку, которая была в крови, бросил в колодезь», «В протоколах выемки зафиксирована выемка куртки из колодца и золотых изделий из печи». На наш взгляд, это объясняется спецификой создания судебного приговора, который в силу своей вторичности базируется как на письменных документах (протоколы осмотра места происшествия, протоколы выемки, результаты судебно-медицинской экспертизы, и в этом случае элементов разговорной речи в тексте приговора очень мало), так и на устных показаниях участников судебного разбирательства (о чем уже было сказано выше).

Таким образом, судебный приговор – это жанр официально-делового стиля, информационное поле которого представляет собой сложное единство когнитивного, модального и текстуального компонентов.

Литература

1. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. – Ростов на/Д, 1993.
2. Гак, В. Г. О семантической организации текста / В. Г. Гак // Лингвистика текста: материалы науч. конф.: в 2 ч. – М., 1974. – Ч. 1.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1982.
4. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т. М. Дридзе. – М., 1984.
5. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990.
6. Рахманин, Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов / Л. В. Рахманин. – М., 1988.

Информация об авторе:

Братухина Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры стилистики и риторики КемГУ, 8-913-304-40-80, jap72@mail.ru.

Bratukhina Irina Anatolyevna – senior lecturer at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.